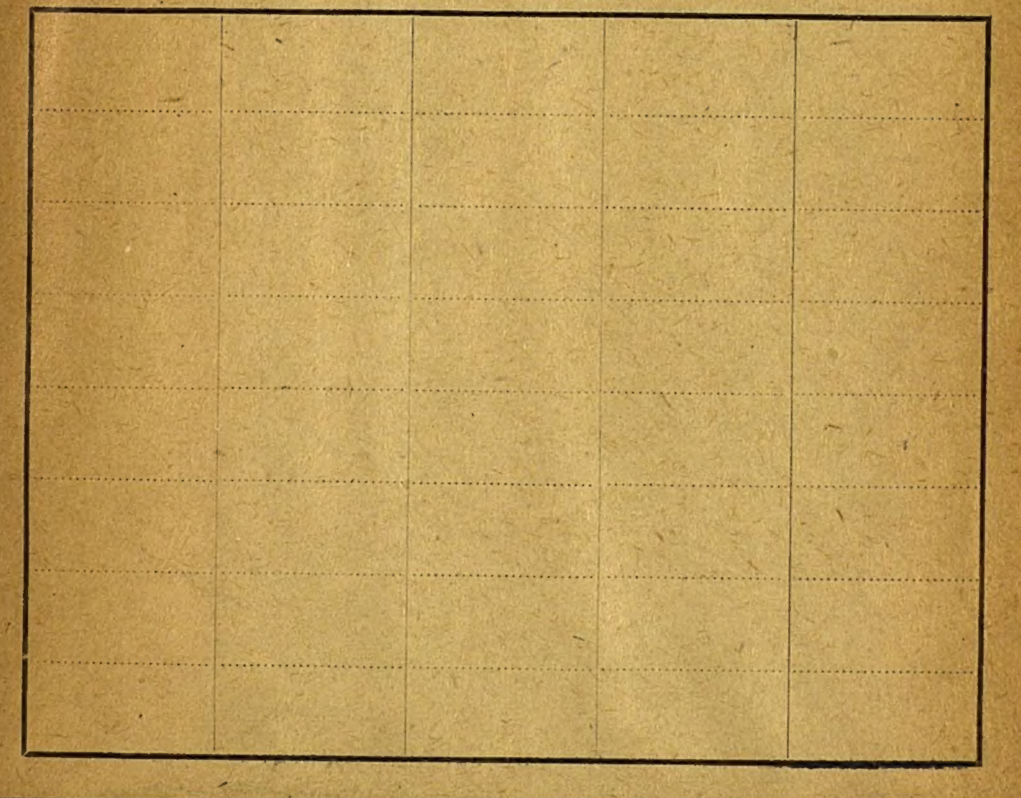
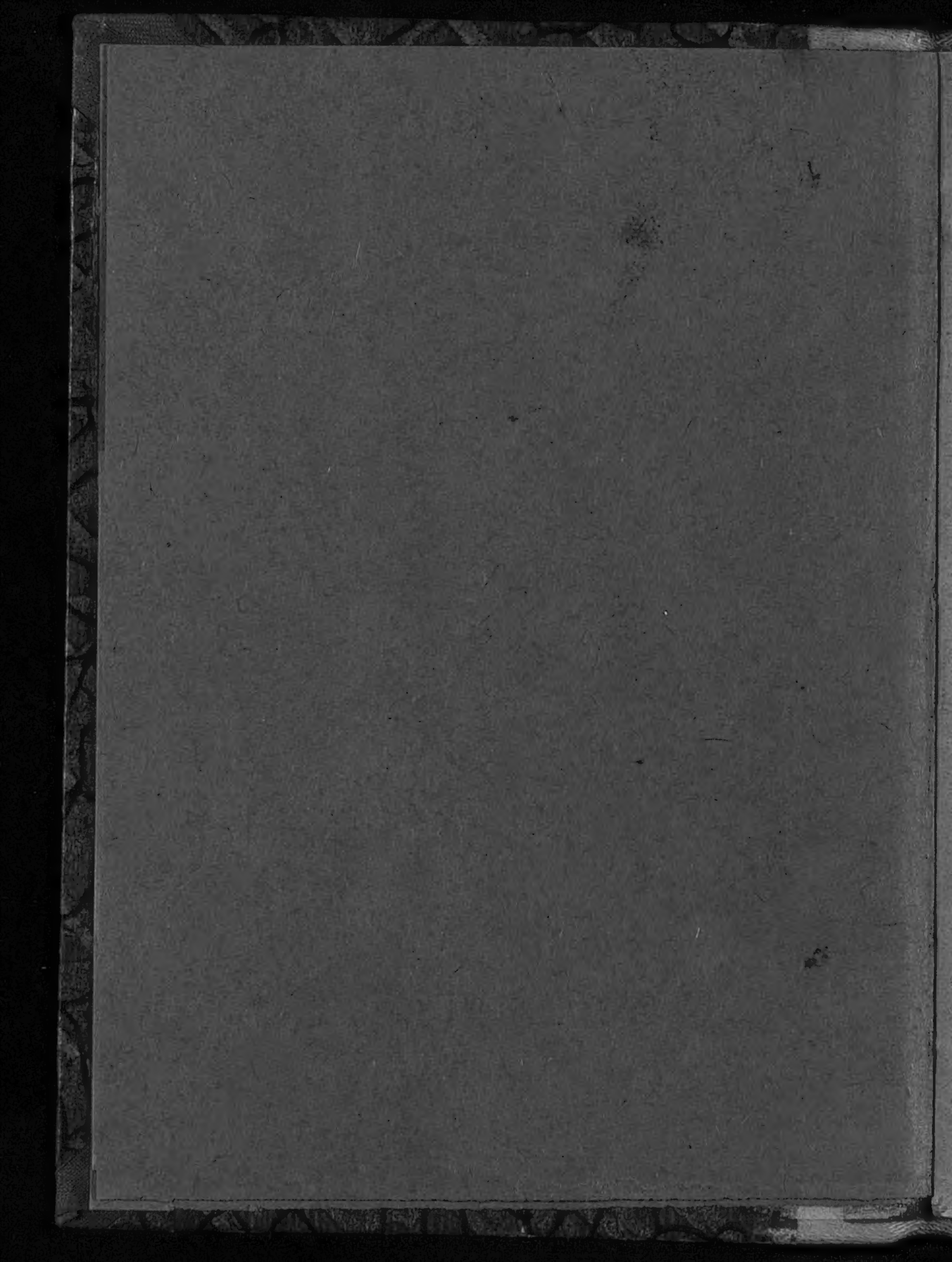
Обуховская Оборона.





Россiйская Соцiальдемократическая Рабочая Партiя.

ПРОЛЕТАРИИ ВСѢХЪ СТРАНЪ, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

Лукомский, М. Я.

А. Б.

ОБУХОВСКАЯ ОБОРОНА.

Посвящается

ГЕРОЯМЪ-БОРЦАМЪ.

Опричники не умерли!... Умрутъ они! Умрутъ!

Изданiе Загран. Лиги Русск. Революцiонной Соцiальдемократiи.

ЖЕНЕВА
Типографiя Лиги, Route Caroline, 27-
1902 г.

5й экз

Изданія Русскихъ Соціальдемократовъ

I. БИБЛІОТЕКА СОВРЕМЕННАГО СОЦІАЛИЗМА

ПЕРВАЯ СЕРІЯ

фр. с

1. **Г. Плехановъ.** Соціализмъ и политическая борьба. . . . —.— (Разошлось)
2. **Фр. Энгельсъ.** Развитіе научнаго соціализма. (Второе изданіе. Разошлось) . . . . —.—
3. **Г. Плехановъ.** Наши разногласія. (Разошлось). . . . . . . —.—
4. **Карлъ Марксъ.** Рѣчь о свободѣ торговли. (Разошлось) . . —.—
5. **Карлъ Марксъ.** Нищета философіи (Разошлось). 3.75
6. **Г. Плехановъ.** Фердинандъ Лассаль. (Разошлось) . . . . . —.—
7. Чего хотятъ соціальдемократы? (Разошлось) . . . . —.—
8. **В. И. Засуличъ.** Очеркъ исторіи Международнаго Общества Рабочихъ. (Разошлось) . . . . —.—
9. **Г. Плехановъ.** Новый защитникъ самодержавія или горе г. Тихомірова. (Разошлось). . . . . —.—
10. **Г. Плехановъ.** Задачи соціалистовъ въ борьбѣ съ голодомъ въ Россіи. . . . . 1.—

ВТОРАЯ СЕРІЯ

1. **Фридрихъ Энгельсъ.** Людвигъ Фейербахъ. (Разошлось). . —.—
2. **Фридрихъ Энгельсъ** о Россіи. . . . . 1.—
3. **К. Марксъ и Ф. Энгельсъ.** Манифестъ Коммунистической Партіи, съ предисловіемъ **Г. Плеханова**. 1.50
4. **Потребительныя товарищества**, съ предисл. **Д. Кольцова.** 1.—

II. РАБОЧАЯ БИБЛІОТЕКА

Первая серія

1. **П. Аксельродъ.** Рабочее движеніе и соціальная демократія. (Разошлось.). . . . . —.—
2. **С. Дикштейнъ.** Кто чѣмъ живетъ. (Третье изданіе.). . . —.15
3. Рѣчь П. А. Алексѣева. (Разошлось). . . . . —.—
4. **В. И. Засуличъ.** Варленъ передъ судомъ исправительной полиціи (Разошлось). —.—
5. **Г. Плехановъ:** Ежегодный всемірный праздникъ рабочихъ. (Разошлось.) . . . . —.—
6. Первое мая и адресъ петербургскихъ рабочихъ Шелгунову, съ предисловіемъ **Г. Плеханова.** (Разошлось.). . . . —.—
7. **П. Аксельродъ.** Задачи рабочей интеллигенціи (Разошл.) —.—
8. Рабочій день, передѣлка съ польскаго. (Разошлось.). . . —.—
9. **Д. Кольцовъ.** Машина (Разошлось). . . . . —.—
10. **Васильевъ.** Восьмичасовой рабочій день и его значеніе. —.50

ОБУХОВСКАЯ ОБОРОНА.

Опричники не умерли!... Умрутъ они! Умрутъ!

I.

На 22 апрѣля Петерб. Союзъ Борьбы назначилъ на Невскомъ политическую демонстрацію рабочихъ всего Петербурга. Въ назначенный день на Невскомъ собралось не болѣе 2-хъ тысячъ рабочихъ, и происходила демонстрація не рабочихъ, а русскаго самодержавія, заполнившаго войсками, жандармами, полицейскими и дворниками весь Невскій, всѣ поперечныя улицы, всѣ дворы и закоулки. Такъ называемой „чистой" публики почти совершенно не было въ этотъ день, такъ какъ о предстоящей демонстраціи зналъ весь Петербургъ, и обычная Невская публика убоялась бойни.

Необходимо замѣтить, что за нѣсколько дней до демонстраціи начальникъ охраннаго отдѣленія Пирамидовъ — со святыми, о Господи, упокой! — произвелъ массовые аресты не десятками, а въ буквальномъ смыслѣ сотнями. Достовѣрно извѣстно, что онъ тотчасъ же послѣ 22-го хвасталъ передъ высшими міра сего, что все петербургское пролетарское движеніе выѣденнаго яйца не стоитъ: „стоило мнѣ только перехватить нѣсколько сотъ человѣкъ — въ томъ числѣ десятка два вожаковъ — и съ такой помпой провозглашенная рабочая демонстрація рухнула!" Посмѣивались также и разнаго рода либералы и отпускали всякія остроты по

поводу революціоннаго духа нашего рабочаго. Но словно громомъ съ яснаго неба всѣхъ этихъ господъ неожиданно поразила схватка съ войсками рабочихъ Выборгской стороны и еще болѣе страшная битва рабочихъ Обуховскаго завода. Передъ всѣмъ этимъ, а особенно передъ послѣдней битвой студенческая демонстрація 4 марта показалась какой-то игрушкой: тамъ, какъ только казаки бросились съ лошадьми и нагайками въ толпу, все было смято; тутъ же никто не отступилъ, а въ теченіе 5 часовъ шла кровопролитная борьба, борьба не на животъ, а на смерть. И всѣ эти событія произошли въ короткій двухнедѣльный промежутокъ, слѣдовавшій какъ разъ за вѣщими словами Пирамидова о выѣденномъ яйцѣ. Надѣюсь, что его наслѣдники такихъ глупостей больше говорить не будутъ.

Итакъ, перехватить пару сотенъ человѣкъ и нѣсколько десятковъ активныхъ революціонеровъ, — еще не значитъ задушить революцію въ Россіи, а революціонная работа схваченныхъ борцовъ не пропала даромъ, ибо почва, на которой они работали, не оказалась безплодной. Болѣе того. Не только не всѣ руководители были до демонстраціи перехвачены, но не было перехвачено даже и половины, да и недостающихъ тотчасъ замѣстили новые элементы. На Выборгской сторонѣ, правда, ощущался въ рѣшительную минуту недостатокъ въ руководителяхъ, но за то на Обуховскомъ заводѣ такого недостатка не было. Пирамидовъ рвалъ и металъ и ничего не достигъ. Со всѣмъ своимъ многочисленнымъ штатомъ шпіоновъ и жандармовъ, со всей послушной ему полиціей онъ не только не былъ въ состояніи предупредить славную Обуховскую битву, но и не зналъ даже, что вообще что нибудь готовится. А готовились къ ней дѣятельно и серьезно въ продолженіи цѣлой недѣли. Александровскій приставъ и его околоточные выглядѣли какъ облитые ушатомъ холодной воды, когда въ достопамятный день 7 мая совершенно неожиданно для нихъ стала разыгриваться буря. Кто послѣ этого болѣе вправѣ смѣяться: мы — революціонеры, или господа

Пирамидовы? Обуховская исторія до того интересна и во многихъ отношеніяхъ настолько поучительна, что какъ участникъ ея, я не могу удержаться, чтобы не остановиться подробно на причинахъ ее вызвавшихъ, на времени, въ теченіе котораго она подготовлялась, на самомъ событіи и его послѣдствіяхъ.

II.

Обуховскій заводъ — казенный, „царскій" и находится въ вѣдѣніи Морского Министерства. Число рабочихъ на немъ достигаетъ 6000-7000 человѣкъ. О порядкахъ этого завода, надувательствахъ и издѣвательствахъ надъ рабочими я не стану много распространяться, такъ какъ они ничѣмъ не отличаются отъ таковыхъ на частныхъ. Скажу болѣе. На казенномъ заводѣ личность рабочаго еще больше попирается, такъ какъ начальство все царскіе слуги — генералы, полковники, офицеры, а вмѣсто фабричной инспекціи, обязанной якобы защищать интересы рабочаго, здѣсь назначенъ жандармскій офицеръ, который блюдетъ исключительно интересы казны. А что съ казной да съ царемъ трудно тягаться — въ этомъ Обуховцы убѣдились долголѣтнимъ горькимъ опытомъ. Сколько увѣчій было за все время существованія завода и какъ мало увѣчныхъ рабочихъ было удовлетворено! Подавать искъ на казну приходится въ казну же. Дѣло тянется два-три года, и въ результатѣ казна отказываетъ увѣчному, сваливая всю вину за увѣчье на рабочаго. У кого просить праведнаго суда надъ казной. Не у кого, такъ какъ она выше закона и можетъ не исполнять его сколько ей угодно. Такое положеніе вещей отбивало у рабочаго всякую охоту защищать свои права и увѣчный входилъ съ начальствомъ завода въ сдѣлку, получая единовременно 10-15 руб. за увѣчье, которое превратило его въ инвалида. Все таки лучше, чѣмъ два года тягаться, а въ результатѣ нуль. Какой бы пакости надъ нимъ не сотворили, рабочій долженъ былъ молчать изъ боязни передъ мундирнымъ царскимъ

чиновникомъ. Чуть пикнешь, на тебя напустятъ вооруженную воинскую команду, которая, какъ впослѣдствіи оказалось, всегда находится въ готовности къ услугамъ царскаго завода. Какъ видите, царскіе заводы пользуются немалыми преимуществами, и это превращетъ казеннаго рабочаго въ безправное существо, раба.

Переходимъ теперь къ ближайшимъ причинамъ, вызвавшимъ послѣдующую бурю. Какъ извѣстно, закономъ 2 іюня 1897 года былъ сокращенъ рабочій день. Законъ этотъ явился результатомъ бурныхъ рабочихъ стачекъ, охватившихъ въ Петербургѣ нѣсколько десятковъ тысячъ ткачей. Но въ законѣ этомъ была маленькая запятая: сверхурочная работа не была уничтожена совершенно, а разрѣшалась въ нѣкоторыхъ необходимыхъ для производства случаяхъ. Черезъ нѣкоторое время послѣдовало дальнѣйшее постановленіе, которымъ законное примѣненіе сверхурочныхъ работъ еще болѣе расширялось. Словомъ, правительство все болѣе и болѣе стало *почему то* напирать на сверхурочныя работы. И эти работы стали всего болѣе примѣнять въ широкихъ размѣрахъ какъ разъ на казенныхъ заводахъ. Громадное большинство рабочихъ, въ томъ числѣ и Обуховцы, радовались только этому обстоятельству. Помилуйте, — сверхурочная работа даетъ возможность зарабатывать чуть ли не въ два раза больше, чѣмъ прежде! Правда, незначительное меньшинство рабочихъ понимало правительственную хитрость, понимали ее также и интеллигенты, имѣвшіе соприкосновеніе съ рабочими, но большинство долгое время оставалось глухо къ увѣщаніямъ этихъ болѣе сознательныхъ элементовъ. Но мало по малу стали уменьшать расцѣнки, которые незамѣтно въ теченіе какого нибудь полугодія понизились на 20, 30%, а между тѣмъ заказовъ на заводѣ была масса, и работа кипѣла*). Рабочіе диву давались. Были единичные случаи протеста, но протестовавшіе моментально уда-

*) На Обуховскомъ заводѣ, несмотря на промышленный кризисъ, значительное количество заказовъ.

лялись изъ завода и замѣщались новыми. А благодаря промышленному кризису, безработный хвостъ у заводскихъ воротъ все увеличивался. Даже и „неученному“ могло бы броситься въ глаза соотвѣтствіе между сверхурочной работой и пониженіемъ расцѣнокъ, съ одной стороны, и невѣроятнымъ количествомъ безработныхъ съ другой. Мало-по-малу въ сознаніе рабочихъ стала проникать та простая мысль, что если бы они всѣ вмѣстѣ, а также рабочіе другихъ заводовъ не согласились на сверхурочную работу, то правительство въ виду обилія заказовъ должно было бы установить ночную смѣну и вынуждено было бы обратиться къ стоящимъ у воротъ безработнымъ. А разъ безработныхъ станетъ меньше, то заводская администрація не сможетъ съ такой легкостью уменьшить расцѣнки: вѣдь въ случаѣ протеста со стороны рабочихъ ихъ не такъ то легко можно будетъ замѣстить другими!

Прошло еще два года, и пониженіе расцѣнковъ достигло ужасающихъ размѣровъ. Въ виду того, что рабочіе стали уклоняться отъ сверхурочной работы, лѣтомъ прошлаго года вышло заводское постановленіе, которымъ всѣ рабочіе, за рѣдкими исключеніями, обязывались выходить на сверхурочную работу не менѣе 3 разъ въ недѣлю. Тотчасъ же послѣ этого постановленія значительное число сознательныхъ рабочихъ стали агитировать на заводѣ, стремясь склонить рабочихъ на забастовку. Хотя эта агитація имѣла значительный успѣхъ, но протеста всетаки не послѣдовало. Прошелъ еще годъ Расцѣнки уменьшились въ 2-3-4 раза; рабочіе за 17-ти часовую безпрерывную работу стали получать такую же плату, какую они до закона 2-го іюня и до установленія сверхурочныхъ часовъ получали за 12-часовую. Такимъ образомъ, мы видимъ, что вынужденное подъ напоромъ рабочихъ волненій уменьшить рабочій день, правительство тотчасъ же по изданіи закона задумалось надъ вопросомъ, какъ бы свести этотъ законъ на *нѣтъ*. Средство это нашлось очень скоро — имя ему *сверхурочная работа, которая въ сущности пред-*

ставлаетъ собою искусно замаскированный правительствомъ фортель для увеличенія рабочаго дня.

Приближалось 1-ое мая. Настроаніе было не изъ важныхъ. Болѣе сознательные рабочіе не оправились еще отъ гнетущаго впечатлѣнія отъ неудавшейся 22-го демонстраціи. Да и промышленный кризисъ развернулся уже во всей своей ужасающей наготѣ. Рабочихъ сотнями выбрасывали на улицу, и передовые Обуховцы опасались, что большинство товарищей не пойдетъ за ними въ такое ужасное время. Хотя и было нѣсколько собраній, но не было выработано общаго опредѣленнаго плана празднованія. Рѣшено было пока ждать. Между тѣмъ 1 мая не пришло на работу отъ 1000 до 1500 человѣкъ. Дня черезъ два помощникъ начальника, полковникъ Ивановъ, сталъ помаленьку да полегоньку увольнять первомайскихъ. Эта расправа взбудоражила всѣхъ. На заводѣ усиленно забродило. Послѣдовали собраніе за собраніемъ — въ лѣсу, на лугу, въ квартирахъ; на нѣкоторыхъ изъ нихъ присутствовали и интеллигенты. Собранія были очень бурныя, настроеніе приподнятое. Рѣшено было устроить забастовку, выставить требованія и не дать начаться работѣ до полнаго удовлетвоенія. Нужно замѣтить, что и до 1 мая забастовка была рѣшена въ принципѣ. Рѣшено было отложить ее для того, чтобы выработать планъ, который гарантировалъ бы успѣхъ дѣлу. И планъ этотъ былъ выработанъ. Вотъ его основанія: о затѣваемомъ дѣлѣ должны были знать только сознательные элементы и то такіе, на которыхъ можно было вполнѣ положиться, что они не разболтаютъ. Само собою разумѣется, что до начала дѣла рѣшено было никакихъ прокламацій къ рабочимъ не выпускать. Прокламаціи были отгектографированы и за день до забастовки отданы на руки нѣсколькимъ вожакамъ движенія. Теперь самое главное: 7-го мая утромъ рабочіе, которымъ тайна была извѣстна, въ числѣ 200-250 человѣкъ должны были мало-по-малу выходить изъ своихъ мастерскихъ и незамѣтно всѣ вмѣстѣ собраться къ 11 часамъ утра въ опредѣленномъ мѣстѣ завода.

Здѣсь предполагалось раздать имъ прокламаціи, а затѣмъ они съ прокламаціями въ рукахъ должны были всей гурьбой двинуться въ наиболѣе революціонныя мастерскія и поднять ихъ. А выросшей такимъ образомъ толпѣ въ 800-900 чел. не трудно будетъ поднять весь заводъ, даже если бы многихъ товарищей пришлось и „выкуривать" изъ-подъ станковъ. Таковъ былъ планъ, и онъ былъ выполненъ блестяще. Правда, дѣло сошло не такъ легко, какъ предполагалось, — разсчитывали, напр., поднять заводъ въ 1½ часа, а на это въ дѣйствительности потребовалось 2 часа. Были моменты, когда нѣкоторые изъ борцовъ впадали въ отчаяніе — имъ казалось невозможнымъ поднять сѣрую массу; но эти трудности еще болѣе подчеркнули то значеніе, которое можетъ имѣть на громадномъ заводѣ сознательное, болѣе или менѣе организованное, хотя и незначительное меньшинство. Къ ужасу ничего не чаявшей администраціи завода и всѣхъ блюстителей порядка села Александровскаго Обуховскій заводъ, много лѣтъ спавшій непробуднымъ сномъ, поднялся, какъ одинъ человѣкъ, и могучая лава рабочаго люда высыпала на проспектъ. Куда дѣвалось обычное рабочее смиреніе! Одинъ рабочій тыкалъ полковнику Иванову въ самый носъ какимъ-то неудовлетвореннымъ прошеніемъ объ увѣчьи, другой громогласно высчитывалъ ему по пальцамъ его грѣшки, третій говорилъ, что ему мѣсто на скамьѣ подсудимыхъ. Вдругъ раздалось такое грозное „вонъ", что царскій слуга, весь увѣшанный царскими орденами полковникъ Ивановъ долженъ былъ улепетнуть и искать спасенія у своего кучера на конюшнѣ.

Между тѣмъ собралась полиція близлежащихъ угол-ковъ. Теперь полицейскіе не позволяли себѣ, конечно, никакихъ насилій по отношенію къ рабочимъ, такъ какъ чувствовали все свое ничтожество передъ рабочей арміей. Выискался, впрочемъ, одинъ околоточный, нѣкій Костюшко-Валюжничъ, который по старой памяти и изъ желанія выслужиться обратился къ рабочимъ съ требованіемъ разойтись. Онъ со своимъ требованіемъ

казался въ настоящую минуту смѣшнымъ не только рабочимъ, но и своимъ товарищамъ-полицейскимъ. Встрѣтивъ единодушный смѣхъ, Костюшко въ ярости выхватилъ шашку; но тутъ подскочилъ къ нему молодой рабочій, выхватилъ шашку и рѣзанулъ его ею по лицу, а затѣмъ, изломавъ тутъ же въ куски, бросилъ. Въ это же время кто-то изъ раздраженной толпы бросилъ въ него камнемъ и выбилъ два зуба. Такъ беззубый Костюшко и удалился опозоренный съ поля битвы, оставивъ свою изломанную шашку въ назиданіе прочей полицейской сволочи. Послѣдняя, благодаря полученному уроку, держала себя затѣмъ тише воды, ниже травы.

Еще до этой исторіи, тотчасъ послѣ позорнаго бѣгства Иванова, о случившемся было дано по телефону знать начальнику завода генералъ-маіору Власьеву, находившемуся съ 1 мая въ отпуску и бывшему въ то время въ городѣ. Нужно замѣтить, что начальникъ пользовался у рабочихъ большимъ уваженіемъ. Его считали человѣкомъ, хотя слабосильнымъ, но добрымъ и отзывчивымъ. По прибытіи Власьева рабочіе окружили его и стали выяснять ему причины своихъ волненій. Къ нему лично они-де всегда питали уваженіе, даже любовь, но злые люди, вродѣ Иванова, забрали его въ свои руки и, излагая ему все въ извращенномъ видѣ, ворочали имъ по своему. Его личныя качества долгое время отчасти удерживали ихъ отъ протеста. Имъ казалось, что они уладятъ все мирнымъ путемъ, но горькій опытъ убѣдилъ ихъ, что нельзя имъ зависѣть отъ чьей нибудь доброй воли. Они рѣшили, поэтому, замѣнить миръ **войной**, просьбу — **требованіемъ**. Теперь ихъ выслушиваютъ, съ ними бесѣдуютъ, а что было раньше?! Считая его однако и до сихъ поръ человѣкомъ порядочнымъ, они настоятельно просятъ его не допустить прибытія войскъ, такъ какъ они опасаются, какъ бы раздраженіе рабочихъ не вылилось въ кровопролитную свалку.

Власьевъ былъ видимо очень тронутъ такимъ къ себѣ отношеніемъ рабочихъ. Онъ благодарилъ ихъ за сох-

раненіе спокойствія и обѣщалъ сдѣлать все возможное для того, чтобы полиція больше не раздражала ихъ, а войска не были присланы. Что же касается ихъ требованій, то въ виду ихъ серьезности (празднованіе 1-го мая, 8 часовый рабочій день и т. д.) онъ не можетъ самолично удовлетворить ихъ, а долженъ посовѣтоваться въ Морскомъ Министерствѣ, въ вѣдѣніи котораго находится Обуховскій заводъ. И онъ поѣхалъ въ городъ къ высшему правительству, къ министрамъ!...

Часа черезъ два послѣ его отъѣзда изъ города прискакали дикари въ образѣ казаковъ, конныхъ жандармовъ и полицейскихъ — всего около 150 человѣкъ съ полицеймейстеромъ Полибинымъ во главѣ. Не встрѣчая по всему тракту никакого сопротивленія, они въ селѣ Александровскомъ принуждены были умѣрить свой наѣздническій пылъ, которому помѣшали густыя толпы народу, а у самаго завода ихъ совершенно остановила плотная стѣна рабочихъ. Военная команда попробовала было **приказать** рабочимъ разойтись, но этотъ приказъ былъ встрѣченъ всеобщимъ смѣхомъ и уничтожающими шутками по адресу полковника и казаковъ. Помня, какъ конница смяла студентовъ и курсистокъ у Казанскаго собора, Полибинъ приказалъ ей ринуться съ нагайками въ толпу, но она не произвела тутъ ожидаемаго переполоха и была осыпана цѣлымъ градомъ камней. Конные казаки и полицейскіе принуждены были позорно вернуться на свои прежнія мѣста. Между тѣмъ, рабочіе стали переходить изъ оборонительнаго положенія въ наступательное. Шагъ за шагомъ отступали войска, жандармы и полиція передъ непреодолимымъ натискомъ рабочихъ. Наконецъ послѣдніе вплотную придавили первыхъ къ заводу, и дальше ужъ некуда было идти. Тѣмъ временемъ участковый телефонъ неустанно работалъ и безпрерывно призывалъ изъ города все новыя подкрѣпленія. Городъ не заставлялъ себя конечно долго ждать и въ селѣ скопились полицейскіе чуть ли не всѣхъ городскихъ участковъ. Наконецъ, къ 6 часамъ вечера прибылъ новый военный отрядъ въ количествѣ

200 человѣкъ. Вплоть до прибытія послѣдняго отряда рабочіе сохраняли свое господствующее наступательное положеніе — положеніе побѣдителя. Даже и теперь царскіе слуги — въ количествѣ 600 человѣкъ — всѣ съ головы до ногъ вооруженные — врядъ ли могли бы справиться съ рабочими, еслибы полковникъ Полибинъ не приказалъ стрѣлять. Что выстрѣлы были произведены безъ всякаго предупрежденія — это не подлежитъ никакому сомнѣнію. Притомъ стрѣляли не только по по проспекту на право и на лѣво, но также и въ окна домовъ. Точно установить невозможно ни числа убитыхъ, ни раненыхъ, въ виду того, что ихъ тотчасъ же подхватывали и увозили на пароходѣ въ городъ. Достовѣрно только извѣстно, что трое убиты на мѣстѣ, тяжело раненыхъ было не менѣе 20 человѣкъ. Только впослѣдствіи мало-по-малу узнавалось, что тому раздробило кость, тотъ истекъ кровью, тому попало пулей въ животъ, въ такомъ то домѣ пулей у трехлѣтней дѣвочки оторвало губу, а мальчугану прострѣлили лобъ, что такая-то мать близка къ сумасшествію и т. д. Выстрѣлы заставили рабочихъ броситься въ разсыпную. Но битва еще только начиналась. Не прошло и 15 минутъ, какъ на войска неожиданно со всѣхъ сторонъ посыпался цѣлый градъ камней, песку, дровъ и всевозможныхъ заводскихъ инструментовъ. Дѣло въ томъ, что, оставивъ улицу, рабочіе не сложили оружія. Два громадныхъ флигеля карточной фабрики были ими немедленно превращены въ баррикады. Забаррикадированъ былъ также громадный дворъ, примыкающій къ этимъ зданіямъ и весь заводской переулокъ. Восторжествовавшіе было царскіе слуги были ошарашены этимъ сюрпризомъ. Они ломились въ двери флигелей, карабкались по темнымъ корридорамъ, но скоро вылетали оттуда стрѣлою избитые и окровавленные. Они стрѣляли, но вмѣсто людей попадали въ столы, комоды, кровати и проч.

Поминутно скакали по направленію къ участку выбитые изъ строя казаки и жандармы съ окровавленны-

ми лицами, пробитыми головами, а по проспекту и другимъ улицамъ бѣгали роты солдатъ форсированнымъ маршемъ съ барабаннымъ боемъ, стараясь наводить страхъ на женщинъ, подростковъ и взрослыхъ рабочихъ, не участвовавшихъ въ свалкѣ, и сидѣвшихъ по домамъ. Нерѣдко дикари нападали съ голыми шашками на беззащитную, ни въ чемъ неповинную женщину или на шедшаго по улицѣ дряхлаго старика и избивали ихъ до полусмерти; но нерѣдко бывало также, — пара конныхъ жандармовъ или казаковъ очутится въ толпѣ рабочихъ или возлѣ какой либо засады и получаетъ по заслугамъ. А вдали, у завода время отъ времени раздавались выстрѣлы, и бившіеся подъ защитой баррикадъ борцы и не думали сдаваться и безпрерывно сыпали на своихъ враговъ кучи камней. Барабанный бой, выстрѣлы, груды песку и камней, кипучая дѣятельность за баррикадными окопами, убитые и раненые.... Въ воздухѣ пахло революціей.

Но баррикадные борцы не были въ состояніи долгое время выдерживать натискъ вооруженнаго врага. Хотя прекратившіе къ тому времени работы рабочіе Александровскаго завода и работницы карточной фабрики (всего около 2000 чел.) — братски помогали своимъ товарищамъ-Обуховцамъ, однако въ рукопашной забаррикадной схваткѣ пустыя руки рабочихъ не могли помѣряться съ вооруженной шашкой, нагайкой и ружейнымъ прикладомъ рукой царскаго башибузука.

Будь у стоявшей возлѣ завода 20-тысячной толпы огнестрѣльное оружіе, царское правительство принуждено было бы выслать на борьбу съ нею 20-тысячное войско; а будь у всей боровшейся за баррикадами тысячи рабочихъ кинжалы и сабли, для взятія баррикады необходимы были бы не 600, а 5000 солдатъ. Но громадное большинство рабочихъ въ невѣдѣніи своемъ надѣялось на чью-то добрую волю — не то начальника завода, не то министра Сипягина, не то царя. Имъ должно быть казалось, что тотъ царь, который недавно такъ торжественно приглашалъ всѣ народы на мирную

конференцію, не станетъ же избивать своихъ собственныхъ гражданъ. А между тѣмъ, еслибы рабочіе не замыкались въ скорлупу своихъ фабричныхъ интересовъ*), они могли бы предвидѣть эту печальную неожиданность. Еслибы они нѣсколько болѣе интересовались явленіями окружающей жизни, то видѣли бы, какими безчисленными нитями связана съ ними эта далекая отъ нихъ внѣфабричная жизнь; они знали бы тогда истинную цѣну этому лицемѣрному призыву царя къ миру, поняли бы и многое другое; они знали бы, что за 2 мѣсяца до Обуховской исторіи была — 4 марта — такая же исторія у Казанскаго собора, что полиція и казаки избили тогда до полусмерти студентовъ, виновныхъ только въ томъ, что имъ душно стало жить въ нашей затхлой, мертвящей атмосферѣ и захотѣлось свободы. Они знали бы далѣе, что министръ внутреннихъ дѣлъ Сипягинъ издалъ 12 марта циркуляръ по департаменту полиціи по поводу Казанскаго избіенія: министру мало тѣхъ омерзительныхъ безобразій, которыя происходили; онъ дѣлаетъ полиціи строгій выговоръ за то, что она не дѣйствовала съ достаточной энергіей; приказываетъ ей на будущее время безчинствовать безъ удержу. Губернаторамъ и градоначальникамъ онъ совѣтуетъ не церемониться съ толпою и не медлить употребленіемъ огнестрѣльнаго оружія. Рабочіе знали бы также и главную причину, побудившую министра къ изданію этого циркуляра: по городу ходили зловѣщіе слухи, что фабричные подымаются, а въ Москвѣ, Харьковѣ народъ уже показалъ себя; и своимъ циркуляромъ министръ мѣтилъ главнымъ озразомъ въ рабочихъ. Эти рабочіе уз-

---

*) Этотъ упрекъ въ замыканіи въ еще большей мѣрѣ заслуживаютъ многіе пропагандисты, дѣйствовавшіе въ рабочей средѣ, но онъ ничуть не относится къ тѣмъ, вполнѣ сознавшимъ свои классовые интересы сознательнымъ рабочимъ, которые и повели весь заводъ на борьбу съ самодержавіемъ. Того, какъ возникъ этотъ сознательный элементъ, я не стану касаться въ этой брошюрѣ, а разберу въ другомъ мѣстѣ. Замѣчу только теперь же, что для его возникновенія далеко не достаточны тѣ моменты, которые приводятся въ предисловіи г. Кричевскаго къ брошюрѣ „Обуховцы“.

нали бы о министрѣ, дѣйствовавшемъ съ вѣдома царя, а о самомъ царѣ они узнали бы изъ газетъ, что „Государь Императоръ сдѣлалъ строгій выговоръ члену государственнаго совѣта князю Вяземскому за вмѣшательство въ дѣйствія полиціи въ день 4 марта". Извѣстно, что Вяземскій случайно былъ 4 марта въ Казанскомъ соборѣ и, видя отвратительное побоище, заступился за студентовъ. Нѣсколько дней по городу ходили слухи, что Вяземскій пошелъ къ царю жаловаться на безчинства полиціи, но царь его не принялъ. Многимъ рабочимъ какъ-то не вѣрилось, — неужели и самъ царь? Но появившійся вскорѣ въ „Правительственномъ Вѣстникѣ" вышеприведенный выговоръ, разсѣялъ всѣ сомнѣнія, и для всѣхъ стало ясно, **откуда все исходитъ.** Итакъ повторяю: еслибы рабочіе не думали, что все и вся должно для нихъ заключаться въ борьбѣ съ фабрикантами, и поняли бы, что и внѣ фабрики у нихъ есть значитнльные интересы; тогда они знали бы, что вся бѣда сосредоточивается не въ околоточномъ надзирателѣ, приставѣ и казакахъ, а въ высшемъ правительствѣ — царѣ и его прислужникахъ. А зная это, Обуховцы не были бы поражены неожиданностью и за промежутокъ времени отъ начала забастовки до прибытія войскъ подготовились бы къ встрѣчѣ посланныхъ царемъ башибузуковъ, а не тратили бы драгоцѣннаго времени на разборку мостовой въ **моментъ** прибытія войскъ. Какъ бы тамъ ни было, но рабочіе и не подготовившись славно боролись на баррикадахъ. Правительственныя войска торжествовали, правда, послѣ долгихъ усилій побѣду; но само правительство далеко не торжествовало. Во всякомъ случаѣ эта побѣда была для правительства далеко не веселой, такъ какъ она показала одновременно силу сопротивленія рабочихъ и невольно наводила на мысль, что еще нѣсколько такихъ побѣдъ, и изъ побѣдителя можно превратиться въ побѣжденнаго. Дальнѣйшія событія показали, что даже теперь правительство далеко не держало себя какъ побѣдитель.

III.

Наступилъ вечеръ. Все какъ бы замерло въ селѣ Александровскомъ. Только патрули тамъ и сямъ шныряли по главному проспекту, напоминавшему о событіи дня. Но кто вздумалъ бы заглянуть въ болѣе отдаленные углы и закоулки и во внутрь домовъ, населенныхъ рабочими, тотъ увидѣлъ бы совершенно другую картину: тамъ, многочисленныя кучки людей возбужденно обсуждали злобу дня и изъ устъ рабочихъ лились проклятія. Эти проклятія направлялись не только на головы исполнителей, но и на главныхъ виновниковъ событія. Сознательнымъ рабочимъ не приходилось много говорить, — ихъ понимали и безъ словъ. Громадное большинство требовало мести — оно хотѣло ночью разнести участокъ и потребительную лавку. Много труда стоило болѣе сознательной части удержать своихъ товарищей отъ подобнаго поступка. Наконецъ, ей удалось убѣдить ихъ пощадить теперь свои силы, а затаенную злобу и ненависть приберечь до другого раза.

На слѣдующій день всѣмъ какъ-то сразу бросилось въ глаза полнѣйшее отсутствіе на улицахъ не только жандармовъ и казаковъ, но даже обыкновенныхъ полицейскихъ. По всему видно, что свыше приказано было не раздражать рабочихъ. Послѣдніе собирались совершенно свободно по улицамъ въ кружки, обсуждали положеніе дѣлъ. А на третій день пополудни появилось печатное обращеніе начальника къ рабочимъ: вначалѣ онъ объявляетъ, что съ настоящаго момента онъ по приказу министерства вступаетъ лично въ управленіе заводомъ*). Далѣе онъ выражаетъ глубокое прискорбіе по поводу печальныхъ событій; затѣмъ онъ проситъ рабочихъ собраться черезъ нѣсколько дней на заводъ, выбрать своихъ **представителей** (по два отъ каждой

---

*) Онъ былъ съ 1 мая въ отпуску и заводомъ управлялъ Ивановъ.

мастерской), которые пусть и предъявятъ ему свои **требованія**. Онъ завѣряетъ рабочихъ честнымъ словомъ своимъ, что выборы могутъ производиться вполнѣ свободно и открыто, что какъ теперь, такъ и послѣ никого изъ рабочихъ или изъ ихъ представителей (депутатовъ) не тронетъ ни заводская администрація, ни какая-либо другая власть — словомъ, что они **неприкосновенны**. Подъ конецъ онъ **проситъ** рабочихъ взяться за работу. Объ Ивановѣ въ этомъ объявленіи не упоминалось ни словомъ, какъ будто его и не существовало. Чрезвычайно характерно то, что объявленіе не только было расклеено, но и вручалось заводскимъ рабочимъ на всѣхъ улицахъ и разносилось имъ на домъ. Въ субботу около 6000 рабочихъ отправились на заводъ и приступили къ выборамъ. Это было грандіозное **истинно народное** собраніе; **истинно народное** потому, что это право собираться для выборовъ не было **подарено** рабочимъ, а **отвоевано** ими, и благодаря этому отсутствовало всякое давленіе свыше. Рабочіе удалили изъ мастерскихъ всѣхъ мастеровъ и подмастерьевъ; удалили также всѣхъ тѣхъ, кого подозрѣвали въ шпіонствѣ и не допускали присутствія полицейскихъ. По удаленіи всѣхъ этихъ нежелательныхъ элементовъ было приступлено къ выборамъ, которые сопровождались самой широкой агитаціей. Въ этотъ знаменательный день совершенно не работали, и весь онъ былъ посвященъ выборамъ и выработкѣ требованій. При выборахъ и не думали руководствоваться указаніемъ начальника — по 2 отъ мастерской, а выбирали по своему собственному разумѣнію — и по одному и по 2 и по 3 отъ мастерской, смотря по числу рабочихъ. Самые выборы продолжались битыхъ 3 часа, и избрано было 26 представителей. Затѣмъ было приступлено къ выработкѣ требованій. Тутъ воочію сказалось то громадное отличіе, которое существуетъ между болѣе сознательными рабочими, участвующими въ разныхъ кружкахъ и организаціяхъ и тѣмъ, къ сожалѣнію, большинствомъ, которое никогда не задумывалось болѣе или менѣе серьезно надъ своимъ по-

ложеніемъ, никогда не искало средствъ къ выходу изъ этого положенія. Между тѣмъ какъ первые выставляли ясныя, продуманныя, вполнѣ опредѣленныя требованія, послѣдніе (т. е. большинство) постоянно путались, хотя безконечно жаковались на свою судьбу, тѣмъ не менѣе никакъ не могли понять главныхъ, основныхъ причинъ своихъ несчастій и терялись въ мелочахъ (въ требованіи кипятку и т. п.). Изъ этого, конечно, не слѣдуетъ, что выработанныя серьезныя требованія явились требованіями **только** организованнаго меньшинства. Нисколько. Когда болѣе сознательные рабочіе, предлагая требовать 8-часовой рабочій день, выясняли тутъ же всѣ тѣ благіе результаты, которые связаны съ установленіемъ такого дня; тогда и масса неорганизованныхъ рабочихъ съ жаромъ присоединилась къ этому требованію. Когда сознательные рабочіе требовали внесенія въ табель празднованіе 1 мая и при этомъ указывали на великое объединительное значеніе этого міроваго рабочаго праздника, тогда и значитильчая часть неорганизованнаго большинства начинало понимать, что рабочимъ дѣйствительно надо бы завоевать такой рабочій праздникъ.

Такимъ образомъ, при помощи развитыхъ товарищей рабочіе выбросили всякія неподходящія мелкія требованія и желанія всѣхъ были объединены въ 13 пунктахъ. У меня, къ сожалѣнію, нѣтъ подъ рукой списка этихъ требованій, но я хорошо помню главныя изъ нихъ. Вотъ они:

1) Внесеніе въ табель праздниковъ празднованіе 1-го мая.

2) Установленіе 8 часоваго рабочаго дня.

3) Узаконеніе ежегодныхъ выборовъ заводскихъ представителей-рабочихъ на подобіе выборовъ этого года.

4) Возвращеніе всѣхъ товарищей, взятыхъ полиціей и размѣщенныхъ по тюрьмамъ, и возвращеніе уволен-

ныхъ 1 мая товарищей.

5) Удаленіе помощника начальника Иванова; удаленіе нѣкоторыхъ мастеровъ и подмастерьевъ.

6) Хорошее обращеніе съ рабочими.

7) Повышеніе поденной платы чернорабочимъ на 25%.

8) Увеличеніе расцѣнокъ.

9) Уничтоженіе сверхурочной работы.

10) Постоянное обезпеченіе вдовъ и сиротъ убитыхъ.

И еще нѣсколько требованій, которыхъ къ, сожалѣнію, не припомню.

Избранные представители отправились на поляну и тамъ — расположившись подъ открытымъ небомъ — приступили къ обсужденію этихъ требованій и выработали подробную къ нимъ мотивировку. Нечего и прибавлять, что выборы служили предметомъ разговоровъ не только въ Александровскомъ, но и далеко за его предѣлами. И не мудрено.

Въ понедѣльникъ рабочіе пошли на работу, а представители отправились къ Власьеву. Долго продолжалось совѣщаніе, такъ долго, что, когда въ 12 часовъ былъ данъ обѣденный гудокъ, рабочіе стали безпокоиться за участь своихъ выборныхъ и, остановившись густою стѣною у заводскихъ воротъ, потребовали къ себѣ своихъ представителей. Послѣдніе принуждены были показаться своимъ избирателямъ и успокоить ихъ насчетъ исхода переговоровъ. Только послѣ этого рабочіе спокойно разошлись. Наконецъ переговоры кончились и представители съ резолюціей вышли къ огромной народной толпѣ, дожидавшейся на заводскомъ дворѣ. Десять требованій удовлетворены **безусловно**; что же касается празднованія 1 Мая, то Власьевъ разъяснилъ, что онъ за послѣдніе дни былъ уполномоченъ Министерствомъ разрѣшить это празднованіе всѣмъ **желающимъ**, такъ что впредь ни одинъ рабочій, не явившійся 1 Мая на работу, не можетъ быть ни уволенъ, ни оштрафованъ, внести же этотъ день въ табель праздниковъ онъ само-

лично не имѣетъ права, а посовѣтуется съ министерствомъ. Не уполномоченъ онъ также министерствомъ установить 8 часовый рабочій день, онъ можетъ своею властью уменьшить рабочій день на полчаса или часъ, и только. Но такъ какъ рабочіе представители настаивали на этомъ требованіи, то начальникъ обѣщалъ внести въ совѣтъ министровъ. Всѣ же остальныя требованія удовлетворены. Министерство уполномочило его даже удовлетворить требованіе, (если таковое будетъ) объ обязательномъ страхованіи рабочихъ заводомъ. Власьевъ увѣрялъ представителей, что онъ и понятія не имѣлъ о тѣхъ творящихся на заводѣ безобразіяхъ, что онъ въ первый разъ услыхалъ объ этомъ изъ ихъ устъ. Онъ обѣщалъ даже немедленно удалять всякаго мастера и подмастерье, которые будутъ позволять себѣ грубости по отношенію къ рабочимъ. Словомъ побѣда была почти полная. Обуховцы воочію убѣдились, что рабочіе -сила; и хотя впослѣствіи ихъ ожидали жестокіе удары судьбы, но эта побѣда и это убѣжденіе никогда, я увѣренъ, не изгладятся изъ ихъ памяти и постоянно будутъ вызывать ихъ на новую борьбу.

Почти два мѣсяца Обуховскіе рабочіе пользовались плодами своей геройской побѣды. Любопытно было заводить въ это время бесѣды съ сѣрымъ, недавно оставившимъ деревню людомъ и со стариками, которыхъ по образному выраженію самихъ рабочихъ, приходилось „выкуривать изъ-подъ станковъ“. „Вольготно жить стало“, „раньше мы совсѣмъ не чувствовали, что мы люди“., „спасибо молодымъ, что отстояли рабочаго человѣка“, „а мы-то — дураки — какъ огня боялись своего начальства и полиціи“; „мы и взаправду раньше думали, что, коли, помощникъ начальника или полковникъ — значитъ великій баринъ, а теперь и сами видимъ, что просто свинья“; „безъ кулака ничего не добьешься“. Такіе и подобные отвѣты можно было слышать на каждомъ шагу. Всякіе авторитеты сильно потеряли въ своемъ величіи въ глазахъ даже обыкновеннаго рабочаго, который взамѣнъ ихъ пріобрѣли непримиримую нена-

вистъ ко всякимъ власть имущимъ.

Но неожиданно для всѣхъ, среди такого душевнаго подъема, явился Ивановъ и занялъ свое прежнее мѣсто на заводѣ, а вслѣдъ за этимъ въ мастерскихъ появилось объявленіе, гласившее, что въ депутаты могутъ выбираться только лица не моложе 25 лѣтъ, прослужившіе на заводѣ не менѣе 5 лѣтъ, кромѣ того, они должны быть поставлены въ полную зависимость отъ мастеровъ. Возмущенные рабочіе прекратили работу 7 іюля. Они находились въ томительномъ ожиданіи и недоумѣвали, чѣмъ кончится эта правительственная выходка. А кончилась она такъ, какъ можно было ожидать только отъ безстыднаго, безконтрольнаго царскаго самодержавія. Въ одно утро жители Александровскаго узнали, что глубокой ночью были схвачены 250 человѣкъ рабочихъ и почти въ одномъ бѣльѣ ночью же отправлены въ городъ и размѣщены по тюрьмамъ. То же случилось и въ слѣдующія двѣ ночи, такъ что въ нѣсколько дней было перахвачено около 800 человѣкъ, въ томъ числѣ, конечно, и всѣ рабочіе представители. Правительственная политика вполнѣ выяснилась во всей своей грязной наготѣ: два мѣсяца оно шпіонило и, намѣтивъ всѣ опасные элементы, перехватило ихъ и избавилось такимъ образомъ отъ крамолы. Не бѣда, если при этомъ два мѣсяца приходилось лгать, лицемѣрить, — лишь бы цѣль была достигута. А начальникъ завода и на этотъ разъ вывѣсилъ объявленіе, но — сообразно съ новымъ приказомъ свыше — уже совсѣмъ другого характера. „Такъ какъ", писалъ онъ, **„рабочіе не сдержали своего слова**, то онъ считаетъ всѣ прежнія обѣщанія и уступки какъ-бы несуществующими, а кто не желаетъ работать на старыхъ условіяхъ, тотъ немедленно получаетъ разсчетъ" (и немедленно же, прибавимъ отъ себя, высылается въ избѣжаніе смуты Клейгельсомъ на родину). Рабочіе читали это объявленіе и ничего не понимали: кто не сдержалъ? Гдѣ? Когда? Но такъ какъ большая часть организованныхъ рабочихъ была перехвачена, то работы на заводѣ послѣ угрозъ начальника

возобновились. Правительство побѣдило: оно начало **насиліемъ**, но такъ какъ одного насилія оказалось недостаточно, то кончило насиліемъ и **обманомъ**.

IV.

Тѣмъ временемъ правительство готовило „правый“ и „милостивый“ судъ надъ ними—рабочими, которыхъ оно безъ разбору выхватило изъ толпы во время памятной майской битвы. Какъ уже было упомято, начальникъ далъ честное слово рабочимъ представителямъ, что всѣ размѣщенные по тюрьмамъ товарищи будутъ выпущены на свободу и обратно приняты на заводъ. И ихъ дѣйствительно вскорѣ стали выпускать цѣлыми десятками, такъ что рабочіе были того убѣжденія, что всѣ товарищи будутъ выпущены, но они и здѣсь были обмануты начальникомъ и правительствомъ, которое изготовило для 37 оставшихся „праведный“ обвинительный актъ*).

Что же это за обвинительный актъ! Въ немъ очень пространно описывается все майское событіе, но что ни слово—то ложь, что ни фраза—то мерзость. „Достовѣрными“ свидѣтелями являются заводскіе сторожа, городовые, околоточные надзиратели, помощникъ пристава Келинъ и шпіоны. Несмотря на то, что у завода стояла 20-тысячная толпа рабочихъ, „достовѣрные“ свидѣтели всякій разъ слышали, кто что сказалъ, ясно и точно замѣчали, какой рабочій бросилъ камень, противъ кого этотъ камень направлялся, и въ какую часть тѣла онъ попадалъ. Само какъ бы понимая, сколь мало достовѣрными покажутся эти достовѣрныя показанія достовѣрныхъ лжесвидѣтелей, правительство, дабы придать обвиненію болѣе правдивый видъ, старается набрать нѣсколько показаній противъ одного и того же рабочаго; такого-то молъ замѣтилъ не только такой-то шпі-

---

*) Обвинительный актъ этотъ напечатанъ въ № 9 „Искры“ и выпущенъ отдѣльной брошюрой. *Прим. ред*

онъ, но и такой-то дворникъ и такой сторожъ; или такого-то замѣтилъ не только такой-то дворникъ, но и самъ помощникъ пристава Келинъ. Тутъ ужъ, конечно, разсѣются всякія сомнѣнія въ истинности показаній! Самъ Келинъ! А знаете ли Вы, кто такой Келинъ? Всѣмъ Александровцамъ онъ очень хорошо извѣстенъ, какъ прилизанная полицейская крыса, аккуратно получающая ежемѣсячные взносы отъ всѣхъ домовладѣльцевъ и лавочниковъ, а если кто изъ сихъ послѣднихъ окажется тугимъ на кошель, то г. Келинъ уже найдетъ къ чему придраться и сдѣлаетъ „актъ". Вотъ этотъ-то всѣмъ извѣстный взяточникъ Келинъ и является самымъ достовѣрнымъ изъ всѣхъ правительственныхъ свидѣтелей.

Нѣтъ никакой физической возможности разбирать весь этотъ „достовѣрный" обвинительный актъ, такъ какъ онъ цѣликомъ представляетъ собой одну сплошную наглую ложь. Для того, чтобы оправдать фактъ стрѣльбы и убійствъ, въ актѣ сказано, что рабочіе первые стали стрѣлять. **Это безусловная ложь.** У рабочихъ, къ ихъ глубокому сожалѣнію, не было огнестрѣльнаго оружія, и они поэтому не могли стрѣлять. Для такихъ же оправдательныхъ цѣлей было сочинено и все остальное. Вотъ этотъ-то обвинительный актъ, составленный въ концѣ іюля, былъ въ послѣднихъ числахъ сентября представленъ въ Петербург. Судебную Палату. Свидѣтелями на судѣ были все тѣ же Обуховскіе дворники, сторожа, шпіоны, городовые, околоточные надзиратели, самъ г. Келинъ, полицеймейстеръ Полибинъ, помощникъ начальника достославный Ивановъ и другіе въ томъ же родѣ. Судъ происходилъ при закрытыхъ дверяхъ. Напередъ можно было предсказать, чѣмъ все это кончится. На судѣ „всѣ защитники рѣзали хорошо", пишетъ одинъ изъ осужденныхъ товарищей, — „а ничего не вышло. Свидѣтели противъ насъ врали, путали (какъ имъ было не путать, разъ защитники ежеминутно уличали ихъ во лжи!), и на все прокуроръ нуль вниманія; говоритъ: я буду вѣрить первымъ показаніямъ (т. е. „достовѣр-

ному“ обвинительному акту), потому что они все позабыли. Много, много тутъ было несправедливости и ни на что не обратили вниманія“.

Судъ приговорилъ Антонія Гаврилова на 6 лѣтъ каторги, Анатолія Ермакова на 5 лѣтъ каторги, 27 человѣкъ (въ томъ числѣ многихъ несовершеннолѣтнихъ и двухъ 18-лѣтнихъ дѣвушекъ) въ арестантскія роты и тюрьмы отъ 2-5 лѣтъ, а 8 оправдали для того, чтобы соблюсти невинность. „Не тѣхъ на каторгу“, пишетъ другой осужденный,—„что убивали, а тѣхъ, кто сами рисковали быть убитыми. А развѣ это единственный случай, или что-нибудь новое, неслыханная жестокость? Каждый день и по всѣмъ закоулкамъ Россіи творятся еще даже худшія жестокости. Только это происходитъ тамъ, гдѣ-то за кулисами, не рѣжетъ намъ глазъ... нѣтъ, ты, похоже, не чувствовала своего безсилія, не задыхалась отъ злобы при подобныхъ фактахъ, конечно, я долженъ сильнѣе чувствовать, чѣмъ ты, — сильнѣе, чѣмъ я самъ, еслибы былъ на свободѣ. Но вѣдь это понятно, почему! Вѣдь у меня на глазахъ всѣ эти „преступники“, „бунтовщики“. Вѣдь я день и ночь слышу надъ собой кашель и безконечные шаги и надъ собой—вверху и внизу—всюду слышится это воплощеніе тюрьмы. Вѣдь ты только слышишь о насиліи, а я стою лицомъ къ лицу съ нимъ, оно ежеминутно передъ глазами; еслибы и хотѣлъ, то нѣтъ силъ отвернуться. Мы здѣсь разговариваемъ, шутимъ, смѣемся, а стоитъ только коснуться до больнаго мѣста,—хотя бы такого факта, какъ этотъ судъ,—и мы ненормальные люди, мы — бѣшеные“. Мнѣ нечего прибавлять къ этимъ строкамъ: они полны отчаянія, но еще больше полны непримиримой злобы и ненависти. **Царскій приговоръ не въ силахъ былъ, дорогіе товарищи, вытравить изъ васъ вашего вольнаго духа, не вытравитъ его и каторга; не въ силахъ будетъ также царское правительство помѣшать тому, чтобы Ваша самоотверженная майская борьба никогда не изгладилась изъ памяти всѣхъ русскихъ рабочихъ и всегда призывала ихъ на новую борьбу!“**

V.

Така кончилась Обуховская исторія. Что же она показала рабочимъ? Она показала прежде всего, что *наше самодержавное правительство уже и въ настощее время не твердо держится на ногахъ своихъ.* Чѣмъ въ самомъ дѣлѣ другимъ, если не шатаніемъ правительства, можно объяснить то осбтоятельство, что почти всѣ требованія Обуховскихъ рабочихъ были вначалѣ удовлетворены, и послѣдніе пользовались своей побѣдой почти два мѣсяца? Чѣмъ другимъ можно объяснить то, что никто не посмѣлъ воспрепятствовать Обуховцамъ устроить въ маѣ свое *свободное* выборное собраніе? Почему правительство не выслало войска противъ Семяниковскихъ рабочихъ, которые въ количествѣ 6,000 забастовали черезъ нѣсколько дней послѣ Обуховцевъ? Почему оно ничего не предпринимало противъ заволновавшейся въ то же время и шумно ушедшей съ работы части рабочихъ фабрики Паля и Александровскато сталелитейнаго завода? Почему наконецъ полиція и жандармерія держала себя послѣ памятной Обуховской битвы тише воды и ниже травы, а всѣ войска попрятались, и начальство не вознаграждало пострадавшихъ въ бою полицейскихъ?*) Все это потому, что Обуховцы дали отпоръ—и отпоръ такой, какого не ожидало правительство. Также и потому, что благодаря геройской оборонѣ Обуховцевъ заволновались и другіе крупные заводы и фабрики, въ особенности послѣ выпущенной Петербургскимъ Союзомъ Борьбы прокламаціи, призывавшей къ борьбѣ всѣхъ петербургскихъ **рабочихъ** подняться съ протестомъ противъ циркуляра Сипягина. Правительство на первое время растерялось. Оно увидѣло, что городской рабочій—не всевыносящій деревенскій крестьянинъ, что насиліе по отношенію къ рабочему является обоюдоострымъ оружіемъ, которое мо-

---

*) Достовѣрно извѣстно, что околоточный Костюшко-Валюжничъ, которому выбили 2 зуба и изранили лицо, тщетно просилъ свое начальство зачислить его въ комитетъ для пострадавшихъ.

жетъ попасть въ самаго насильника. Убѣдившись во всемъ этомъ, правительство рѣшило выработать новый способъ дѣйствія, такъ сказать, новую правительственную **тактику**. Само собой разумѣется, — когда правительство задумаетъ что-либо новое, подданные должны всегда быть на сторожѣ. И намъ поэтому болѣе, чѣмъ интересно, ознакомиться съ этимъ новоиспеченнымъ правительственнымъ планомъ.

Даже и не тонкому наблюдателю могло бы броситься въ глаза необычайный за послѣдніе 6—7 лѣтъ подъемъ революціоннаго настроенія среди рабочаго населенія. Вынужденное подъ давленіемъ грандіозной стачки 60,000 петербургскихъ ткачей въ 96—97 гг. издать законъ 2 іюня 97 г., правительство вслѣдъ затѣмъ постаралось свести на нѣтъ и рѣшило мѣрами грубаго насилія искоренить зачатки рабочаго движенія. Наступила эра дикихъ преслѣдованій, направленныхъ, какъ противъ самихъ рабочихъ, такъ и противъ революціонной интеллигенціи, пропагандировавшей и агитировавшей въ рабочей средѣ. Но хотя волновавшіеся рабочіе тысячами высылались на родину, хотя вожаки ихъ переполняли тюрьмы и уходили въ Восточную Сибирь, тѣмъ не менѣе агитація и пропаганда все усиливалась, а само движеніе безпрерывно крѣпло. Все чаще приходилось высылать войска противъ „бунтовавшихъ“ рабочихъ, которые, хотя усмирялись, но въ то же время затаивали глубокую ненависть противъ правительства. Своими преслѣдованіями правительство добилось того, что отъ чисто экономическихъ требованій къ фабриканту рабочіе стали переходить къ требованіямъ политическимъ — свободы собраній, союзовъ, слова, печати, совѣсти, неприкосновенности личности и т. д. Обуховская битва окончательно убѣдила правительство, что ему не задавить рабочаго движенія, не уничтожить „революціонной гидры“. Убѣдившись въ этой печальной для себя истинѣ, правительство рѣшилось не болѣе не менѣе, какъ само **стать руководителемъ рабочаго движенія:** оно не только теперь разрѣшаетъ, а даже са-

мо предлагаетъ устраивать кассы взаимопомощи, созываетъ рабочія собранія, на которыхъ обсуждаются всякіе касающіеся фабрично-заводскаго быта вопросы, и выбираются рабочіе представители для защиты интересовъ рабочихъ на фабрикахъ и заводахъ; правительство чуть ли не готово теперь предложить рабочимъ соединяться въ профессіональные союзы. Все это въ настоящее время уже проводится правительствомъ черезъ посредство жандармовъ Зубатовыхъ, Сазоновыхъ, Васильевыхъ, и такая политика вѣроятно распространится и на другіе фабрично-заводскіе центры. „Къ чему вамъ," говорятъ теперь эти господа рабочимъ, — „волноваться, бунтовать и прислушиваться къ революціонной пропагандѣ и агитаціи? Мы сами разрѣшаемъ и предлагаемъ вамъ дѣлать все, что вы хотите! Вамъ нечего теперь бояться какихъ-либо преслѣдованій, — само правителъство за васъ!" Предложеніе воистину заманчивое! Нѣтъ больше кутузки, нѣтъ больше Сибири! Собирайся, говори, выбирай и дѣлай все, что угодно подъ крылышкомъ любвеобильнаго правительства!

Если рабочіе Обуховскаго завода ознакомятся со всѣмъ этимъ правительственнымъ планомъ и отеческими предложеніями, то изумленію ихъ не будетъ границъ. Не разберутъ они вотъ чего: Разъ правительство такъ любовно относится къ рабочимъ, что все имъ разрѣшаетъ и предлагаетъ, почему же это самое правительство въ іюлѣ лишило обуховцевъ отвоеванныхъ ими въ маѣ ежегодныхъ собраній для выбора рабочихъ представителей? Почему это московскимъ рабочимъ предлагаютъ собираться для выбора депутатовъ и обсужденія всякихъ вопросовъ, а Обуховцевъ въ то же самое время лишаютъ этихъ собраній и вдобавокъ выхватываютъ изъ ихъ среды 800 самыхъ лучшихъ товарищей, садятъ ихъ по тюрьмамъ и высылаютъ на родину? Что же это такое!? Дѣло, видно, не совсѣмъ ладное.

Да, тутъ дѣйствительно что-то неладно, и Обуховской

цы не понапрасну изумляются. Надо быть на сторожѣ! Необходимо разбираться въ этой правительственной путаницѣ, чтобы не попасть въ просакъ. При этомъ разборѣ, быть можетъ окажется, что между **требованіями** Обуховцевъ и **предложеніями** правительства существуетъ **кое-какая** разница.

Чего же собственно добивались Обуховскіе рабочіе? Они ясно сознали, что заводская администрація — будь то царскіе слуги, генералъ-маіоръ Власьевъ и полковникъ Ивановъ, или какой-нибудь частный предприниматель—что администрація эта объ интересахъ рабочихъ не заботится. Сознавъ это, Обуховцы рѣшили затѣмъ отъ сознанія перейти къ дѣлу, къ борьбѣ и завоевать для своихъ заводскихъ интересовъ свое самостоятельное представительство. При этомъ они настаивали, чтобы выборы были совершенно **независимы,** т. е. чтобы на выборныя собранія не смѣли приходить ни жандармы, ни полицейскіе, ни шпіоны, ни мастера и ни какая другая власть. Далѣе, они требовали, чтобы выбранные представители были **неприкосновенны**,—это значитъ, что ни заводское начальство, ни правительственная власть не смѣютъ удалять изъ завода или арестовать ни одного представителя по какой бы то ни было причинѣ. Рабочіе или по крайней мѣрѣ передовая ихъ часть отлично понимали, что оба эти дополненія—**независимость выборовъ и неприкосновенность депутатовъ**—столь существенно важны, что безъ нихъ все ихъ требованіе сводится ни къ чему и принесетъ рабочему не добро, а зло. Какъ же могло отнестись къ этому требованію рабочихъ наше самодержавное правительство? Могло ли оно удовлетворить его? Конечно нѣтъ! На опытѣ другихъ странъ оно убѣдилось, что сознаніе рабочихъ рано или поздно разбиваетъ узкія рамки фабрично-заводской жизни и выходитъ на широкое соціально-политическое поприще. И это происходитъ потому, что рабочій классъ эксплуатируется и угнетается не только на фабрикѣ и на заводѣ, а всюду, т. е. во всѣхъ проявленіяхъ капиталистическаго

строя. Сознанiе нашего рабочаго класса уже выходитъ за предѣлы узкаго фабрично-заводскаго кругозора, а сознанiе передового его отряда уже вышло за эти предѣлы. Вотъ этого-то больше всего и пугается наше правительство. Въ самомъ дѣлѣ, что ежели на **свободномъ** собранiи при **независимыхъ** выборахъ **неприкосновенные** рабочiе представители не только коснутся фабрично-заводскаго отношенiя труда къ капиталу, а направятъ взоры своихъ товарищей и на другiя, хотя и внѣ фабричныя, но не менѣе эксплуатирующiя и угнетающiя ихъ стороны жизни? Далѣе, чѣмъ гарантировано правительство, что рабочiе, на опытѣ убѣдившись, что ихъ фабрично-заводскiе интересы лучше всего отстаиваются ихъ собственными представителями,—чѣмъ, повторяю, правительство гарантировано, что эти рабочiе не потребуютъ представительства рабочихъ для охраненiя своихъ интересовъ отъ всяческихъ другихъ—внѣфабричныхъ—эксплуатацiй и угнетенiй? Я постараюсь пояснить эти разсужденiя нѣсколькими примѣрами.

Петербургская городская дума, завѣдующая всѣмъ городскимъ хозяйствомъ столицы, нуждается, конечно, въ средствахъ для веденiя этого хозяйства. Знаютъ ли рабочiе, что изъ ихъ тощаго кармана ежегодно переходитъ въ городскую кассу около 2½ миллiоновъ руб. (сборы больничный, адресный и за прописку паспортовъ), между тѣмъ какъ со всѣхъ торговыхъ и промышленныхъ заведенiй Петербурга городская касса взимаетъ 2 миллiона руб., что слѣдовательно всѣ промышленники и торговцы, эксплуатирующiе рабочихъ, вносятъ въ городскую кассу на три четверти миллiона меньше, чѣмъ эксплуатируемые ими рабочiе? Знаютъ ли рабочiе, что въ послѣднемъ счетѣ большая часть сборовъ въ пользу города падаетъ на рабочiй классъ? А что послѣднiй получаетъ взамѣнъ своей трудовой копѣйки? Почти ничего! А кто заправляетъ всѣми городскими дѣлами? По правительственному городовому положенiю 1892 г. хозяевами города являются правительственные чиновники и крупные торговцы, фабри-

канты, заводчики и домовладѣльцы. Вотъ эта-то незначительная кучка людей избираетъ своихъ представителей въ городскую думу, вся же остальная масса городскаго населенія не имѣетъ въ думѣ никакихъ представителей,—эта масса даетъ только деньги, но ея деньгами распоряжаются другіе. Въ Петербургѣ по послѣдней переписи числится полтора милліона жителей, а горожанъ, имѣющихъ право выбирать депутатовъ въ думу, всего только 6,900—весь рабочій классъ лишенъ этого права. Теперь, кажется, ясно, что рабочіе эксплуатируются не на однѣхъ только фабрикахъ и заводахъ, но также и при веденіи городскихъ дѣлъ. Вполнѣ естественно, что сознавъ это, рабочіе и для себя потребуютъ права посылать депутатовъ въ городскую думу, при чемъ число рабочихъ представителей должно быть гораздо больше числа представителей отъ капиталистовъ и домовладѣльцевъ, такъ какъ рабочихъ больше, и **городская касса кормится главнымъ образомъ ихъ трудовой копѣйкой,** а дѣла, рѣшаемыя въ Городской думѣ, очень существенно затрагиваютъ интересы рабочихъ (школы, больницы и т. п.). Но придется ли это требованіе рабочихъ по вкусу правительству?

Для второго примѣра возьмемъ государственные доходы и расходы. Тутъ мы наталкиваемся на еще болѣе чудовищную картину. Оказывается, что болѣе двухъ третей государственныхъ доходовъ выколачивается правительствомъ изъ голодающаго крестьянства и городскихъ рабочихъ. Теперь посмотримъ, на что уходятъ эти грандіозные доходы. А вотъ на что: 1) 417 милліоновъ руб. поглощаетъ военное и морское министерства, т. е. милліонное войско, которымъ правительство пользуется **для избіенія студентовъ** и для борьбы съ рабочими (Обуховцамъ этого доказывать не нужно!); 2) 88 милліоновъ руб. на министерство внутреннихъ дѣлъ т. е. на жандармовъ, сыщиковъ, полицейскихъ, земскихъ начальниковъ (для порки крестьянъ) и пр.; 3) 274 милліона руб. на уплату процентовъ по госу-

дарственнымъ долгамъ, а эти долги были сдѣланы, главнымъ образомъ, **для военныхъ цѣлей** и для проведенія желѣзныхъ дорогъ, при чемъ казенные милліоны щедро раздавались всякаго рода хищникамъ. Словомъ, около 800 мил. руб. тратится нашимъ правительствомъ на всяческія подтягиванія и угнетенія. А на спеціально народное образованіе — для многомилліоннаго крестьянства и городскихъ рабочихъ—правительство расходуетъ какихъ-нибудь 4 мил. руб., для поддержанія крестьянскаго хозяйства около 3-4 мил. **7-8** мил. **для** народа, а **800** мил. **противъ** народа! Хотя государственный бюджетъ держится въ почтенномъ отдаленьи отъ фабрики и завода, но онъ очень чувствительно бьетъ рабочаго человѣка по карману и способствуетъ его порабощенію. Если рабочій разобьетъ свою заводскую скорлупу и станетъ лицомъ къ лицу со всей окружающей его жизнью, то онъ неминуемо и безпрерывно будетъ наталкиваться на городское, государственное и всякія другія управленія, которыя эксплуатируютъ и угнетаютъ его не только не менѣе, но даже больше, чѣмъ фабрика и заводъ. Кто знаетъ, быть можетъ, рабочіе потребуютъ и своего участія въ городскомъ и государственномъ управленіяхъ, подобно тому, какъ они требуютъ теперь своего участія въ чисто заводскихъ дѣлахъ? Правительство наше понимаетъ, что не только **быть можетъ**, а **навѣрное** потребуетъ, и—охъ! — какъ пугается оно такого оборота дѣлъ. Потому-то оно пуще огня боится всего того, что могло бы помочь рабочему оглянуться кругомъ, — оно боится всякихъ **свободныхъ** собраній, всякихъ **независимыхъ** выборовъ, всякой **неприкосновенности** рабочихъ депутатовъ.

Далѣе. Вы помните, что на **свободномъ** майскомъ собраніи Обуховцевъ зашла рѣчь о праздновании 1-го мая, при чемъ рабочіе потребовали внесенія этого дня въ табель праздниковъ. Кому неизвѣстно, что этотъ міровой рабочій праздникъ означаетъ единеніе рабочихъ всѣхъ странъ съ цѣлью ниспроверженія капита-

листическаго строя и установленія строя соціалистическаго, гдѣ всѣ орудія производства, всѣ земныя блага и политическая власть будутъ принадлежать всему народу, а не кучкѣ капиталистовъ и придворной кликѣ. Понятно, что самодержавіе, желая остаться самодержавіемъ, изо всѣхъ силъ будетъ противиться узаконенію праздника, предвѣщающаго паденіе того же самодержавія. Если бы правительство явилось въ роли руководителя рабочаго движенія, т. е. если бы рабочія собранія зависѣли отъ доброй воли самодержавія, то послѣднее не только не допустило бы рабочихъ до **требованія,** но даже до **обсужденія** вопросовъ вродѣ празднованія 1-го мая, государственнаго управленія и т. д. Даже болѣе. Правительство изо всѣхъ силъ будетъ препятствовать проведенію и такихъ требованій, которыя, хотя и имѣютъ прямое отношеніе къ эксплуатаціи рабочихъ на фабрикѣ, но въ то же время существенно затрагиваютъ интересы правительства. Въ самомъ дѣлѣ, на своемъ свободномъ собраніи Обуховцы провели требованіе 8-часового рабочаго дня. Установленіе такого дня означаетъ ограниченіе эксплуатаціи рабочаго на заводѣ. Но вѣдь правительство наше само является крупнѣйшимъ заводчикомъ, и не въ его интересахъ ограничивать какую бы тамъ ни было эксплуатацію. Къ тому же правительству очень выгодно защищать эксплуататорскіе интересы и частныхъ капиталистовъ, такъ длинный рабочій день служитъ прекраснымъ средствомъ къ отупленію рабочаго, убиванію въ немъ всякой энергіи,—рабочій до того тогда поглощенъ мыслью о кускѣ хлѣба, что ему некогда почитать книгу, некогда интересоваться какимъ-либо вопросомъ, а вѣдь этого-то и домогается правительство.

Рабочіе Обуховскаго завода выставили три чрезвычайно важныхъ требованія: 1) введенія 8-часового рабочаго дня, 2) внесенія въ табель празднованія 1-го мая и 3) установленія **независимыхъ** выборовъ **неприкосновенныхъ** рабочихъ депутатовъ. Всѣ эти требованія, какъ извѣстно, были въ іюлѣ отвергнуты прави-

тельствомъ, которое, вѣроятно, въ скоромъ времени предложитъ Обуховцамъ такія же собранія, какія оно предложило уже ихъ московскимъ товарищамъ. Но Обуховскіе рабочіе понимаютъ, какая глубокая пропасть лежитъ между тѣмъ, что хочетъ дать рабочимъ правительство, и тѣмъ, чего требовали они сами. Не можетъ не понимать этого и всякій другой болѣе или менѣе мыслящій рабочій. И можно смѣло надѣяться,— нашъ рабочій классъ пойметъ наконецъ, что **интересы самодержавнаго правительства прямо противоположны интересамъ рабочихъ,**— онъ не поддастся на правительственную удочку и съ презрѣніемъ отвергнетъ милостивые **подарки** самодержавія. Рабочіе не нуждаются въ милости. У нихъ есть другое средство—**борьба. Борьбой** они заставили правительство и капиталистовъ пойти на уступки, **борьбой** же они добьются осуществленія своихъ завѣтныхъ грезъ.

А. Б.

ПРИЛОЖЕНІЕ

I.

Резолюція международной соціалистической конференціи, собравшейся въ Брюселѣ 30 декабря 1901 г.:

Международное соціалистическое бюро клеймитъ русскій царизмъ, который еще разъ обагрилъ себя кровью, подвергнувъ 7-го мая рабочихъ Обуховскаго завода дикой расправѣ во время демонстраціи, находившейся въ тѣсной связи съ празднованіемъ 1-го Мая. Оно клеймитъ далѣе русское самодержавіе за то, что послѣднее при посредствѣ своего продажнаго суда осудило 29 жертвъ на каторгу и тюрьму,—жертвъ, безъ всякаго разбора выхваченныхъ изъ среды обуховскихъ демонстрантовъ.

Бюро шлетъ свой братскій привѣтъ героямъ-борцамъ русскимъ рабочимъ и увѣряетъ ихъ въ томъ, что международный соціализмъ питаетъ самыя теплыя симпатіи къ ихъ борьбѣ за свободу,—борьбѣ, которую они ведутъ противъ царизма—„врага соціализма и демократіи."

II.

Изъ прокламаціи:

„...Осужденные товарищи! Намъ больно, что мы теперь не въ силахъ избавить Васъ отъ доли тяжелой. Будьте увѣрены, что ваша борьба и страданія пробудили къ сознательной жизни и безстрашной борьбѣ много дремавшихъ людей. Такъ пусть же на каторгѣ, суровой и холодной, и въ душной тюрьмѣ вамъ свѣтитъ и грѣетъ васъ надежда, что цѣною своихъ страданій вы приблизили день освобожденія всего рабочаго класса".

СПБ. Комитетъ Россійской Соціаль-Демокр. Раб. Партіи.

СПБ. Союзъ Борьбы за освобожденіе рабочаго класса

Вторая серія

1. **Шиппель.** 1 Профессіональные союзы рабочихъ. . . . . — 1.—
2. Двѣ рѣчи. (Алексѣева и Варлена) . . . . — .25
3. **Ф. Лассаль.** Программа Работниковъ. . . . . — .50

Соціальдемократъ, сборникъ. (Разошлось.). . . . . —.—
Соціальдемократъ, литературно-политическое обозрѣніе, кн. I фр. 5.—., кн. II фр. 4.—, кн. III фр. 4.—, кн. IV 5.—
Работникъ, непеpіодическій сборникъ, № 1. (Разошлось.). . . —.—
№ 3-4 фр. 3.—, № 5-6 4.—
Листокъ „Работника“. №№ 1, 5, 6, 7 и 8 по . . . . —.20
№ 2 15 с., № 3-4 —.30
Г. Плехановъ. Русскій рабочій въ револ. движ. (Разошлось) —.—
Г. Плехановъ. Всероссійское разореніе. (Разошлось.) . . . . . —.—
Д. Кольцовъ. Царское правительство и рабочіе. (Разошлось) —.—
Докладъ русскихъ соціальдемократовъ на международный рабочій конгрессъ въ Лондонѣ въ 1896 г. . . . . —.50
Объ агитаціи, съ послѣсловіемъ **П. Аксельрода.** (Разошлось) —.—
Ф. Лассаль. О сущности конституціи (Разошлось). . . . . . —.—
Г. Плехановъ. Новый походъ противъ русской соц.-демократіи —.50
Д. Кольцовъ. Три закона (Разошлось). . . . . —.—
Д. Кольцовъ. Законъ 2-го іюня (Разошлось). . . . . —.—
Матеріалы для характеристики положенія русской печати. Вып. I и II. по 2.—
Что нужно знать и помнить каждому рабочему . . . . —.50
Десятилѣтіе морозовской стачки. . . . . —.50
О Штрафахъ (Разошлось). . . . . —.—
Рабочій день. . . . . —.50
Мартовская революція въ Германіи (Разоштось). . . . . . . —.—
П. Аксельродъ. Къ вопросу о существенныхъ задачахъ и тактикѣ русскихъ соціальдемократовъ (Разошлось) . . . . —.—
Современная Россія. (Разошлось.) . . . . —.—
Тайные документы о законѣ 2-го іюня 1897 г. (Разошлось) —.—
П. Аксельродъ. Историческое положеніе и взаимное отношеніе либеральной и соціал. дем. въ Россіи (Разошлось) —.—
Задачи русскихъ соц.-дем., съ пр. **П. Аксельрода.** (Разошлось) —.—
Г. Плехановъ. В. Г. Бѣлинскій. . . . . —.40
Новый фабричный законъ. . . . . —.40
П. Аксельродъ. Письмо въ ред. „Рабочаго Дѣла“. . . . . . . —.30
Г. Плехановъ. Vademecum для ред. „Рабочаго Дѣла“ . . . . 1.—
Красное знамя. Очеркъ исторіи русскаго рабоч. движенія, съ предисловіемъ **П. Аксельрода**. . . . . 1.—
ЗАРЯ. Соціаль-демокр. научно-политическій журналъ . . . 5.—
ЗАРЯ . . . . № 2-3 . . . . 7.50
Взятіе Бастиліи — Разсказы изъ исторіи Французск. Револ. . 25

КРОМѢ ВЫШЕУКАЗАННЫХЪ ВЪ НАШЕМЪ СКЛАДѢ ИМѢЮТСЯ:

Изданія Ф. Степнякъ:

Андрей Кожуховъ, романъ	2 шил. 6 п.
Штундистъ Павелъ Руденко, романъ	2 шилинга
Доминъ на Волгѣ, повѣсть	1 франкъ
Новообращенный, драма	1 франкъ

Изданія Рабочаго Знамени:

Карлъ Марксъ. Революція и контрреволюція . . .	2 франка
Запретные листки	25 сант.
Сборникъ разсказовъ	40 сант

Цѣна 40 сант.